

PSYCHOLOGY

СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС ТРУДОВОГО МИГРАНТА В ЧУЖОЙ СТРАНЕ И ПРОБЛЕМА РАДИКАЛИЗАЦИИ*Саида Арифханова*

*Эксперт Центра по изучению Региональных угроз Республики Узбекистан,
докторант кафедры "Психологии"
Национального Университета Узбекистана им. Мирзо Улугбека, Узбекистан*

Султанова Лилия

Доцент факультета психологии Филиала МГУ им. М.В. Ломоносова в г. Ташкенте, Узбекистан

DOI: https://doi.org/10.31435/rsglobal_ws/12072018/6017**ARTICLE INFO**

Received: 14 May 2018
Accepted: 23 June 2018
Published: 12 July 2018

KEYWORDS

Indoctrination;
violent extremism;
a group of violent extremism;
youth;
a labor migrant.

ABSTRACT

Extremism is one of the most real contemporary threats to the national security of any country. Combating extremism involves understanding the factors and conditions of its occurrence. The solution of this problem from the standpoint of preventing of the emergence of extremist manifestations is related in the need of considering the various types of extremism. As a matter of fact, the process of recruitment and radicalization also takes places among the Central Asian immigrants in Russia. The youth, unskilled labor migrants, criminals and ethnic minorities are the potential recruits.

Citation: Саида Арифханова, Султанова Лилия. (2018) Socialnyi Status Trudovogo Migranta v Chujoi Strane i Problema Radikalizacii. *World Science*. 7(35), Vol.3. doi: 10.31435/rsglobal_ws/12072018/6017

Copyright: © 2018 Саида Арифханова, Султанова Лилия. This is an open-access article distributed under the terms of the **Creative Commons Attribution License (CC BY)**. The use, distribution or reproduction in other forums is permitted, provided the original author(s) or licensor are credited and that the original publication in this journal is cited, in accordance with accepted academic practice. No use, distribution or reproduction is permitted which does not comply with these terms.

Экстремизм является одной из самых реальных современных угроз национальной безопасности любой страны. Борьба с экстремизмом предполагает понимание факторов и условий его возникновения. Решение данной проблемы с точки зрения профилактики возникновения экстремистских проявлений связано с необходимостью рассмотрения различных видов экстремизма.

Насильственный экстремизм является сегодня сложным и многоаспектным явлением, которое детерминируется несколькими факторами. «Насильственный экстремизм – это убеждения и действия людей, которые поддерживают или используют насилие для достижения идеологических, религиозных или политических целей. Это понятие, очевидно, включает в себя терроризм, другие формы насилия по политическим мотивам и некоторые формы общинного насилия». ¹Все возможные виды насильственного экстремизма «направлены на осуществление перемен посредством страха и запугивания» (там же). Развитие экстремистских движений, как известно, невозможно без расширения и пополнения рядов этих группировок новыми членами, а значит их последовательной радикализации.

¹Манукян А.Р., Шхагапсоева М. Х. «Насильственный экстремизм и индивидуальные факторы радикализации.» - *e-notabene.ru/psp/article_20852.html*, 2016

Принципы вербовки сторонников групп насильственного экстремизма основаны на «трехуровневом» психологическом механизме¹:

1-й уровень - это отключение рационального мышления, когда у подопечного-новоприбывшего искусственно снижается уровень критического и рационального мышления.

2-й уровень-вызывание страха и угрозы, создание у жертвы ощущения безысходности.

3-уровень-поддевание человека на крючок «спасателя»-предложение выхода из сложной ситуации.²

Человек лишенный нормальных условий жизни, оказавшийся в чужой стране, а это как правило, мигрант, изолированный от привычного окружения, достаточно легко впадает в депрессию. Его прежние установки и убеждения не подкрепляются извне.

В новой стране он попадает в полную зависимость от работодателя. Американский исследователь Роберт Джей Лифтон, называет этот феномен «Теорией исторической дислокации». Этот феномен объясняет ту степень уязвимости, в которую впадают молодые люди, которые находятся далеко от дома, когда система ценностей и норм, которые они усвоили в своей стране не работает в той стране, в которую они прибывают. Они отрываются от своей культуры, но не становятся своими в новой среде и не усваивают систему ценностей страны, в которой они ищут заработка. Таким образом, они пребывают в состоянии особой уязвимости, в виду отсутствия духовной опоры для построения собственной идентичности в новых условиях.

Вовлечение молодых людей в различные группы насильственного экстремизма проводится методами индоктринации. В Принстонском университете в Лаборатории по Изучению Восприятия «WordNet 2.0» определяют понятие «индоктринацию» как «обучение кого-либо доктрине, без включения критического восприятия»³. И здесь религия здесь является второстепенным фактором. Вербовщикам необходимо пополнять свои отряды новыми силами. И этими новыми силами, прежде всего для них являются молодые мужчины. Считается, что мужчина по природе обладает большей «мгновенной» агрессивностью и он, по природе, более агрессивен.

Мужчины обычно доминируют в любой войне в виду своей физической предрасположенности к ней. Если же взять такой фактор как социализация, то здесь речь идет больше об их гендерной роли. Как известно, в обществе существует табу на участие женщин в войне. Психологи утверждают, что женщина медленнее реагирует на агрессивное поведение и ей сложнее на него отвечать физическим насилием. Репродуктивная функция женщины делает ее более уязвимой к войне. Войне по-прежнему в первую очередь, нужны молодые, сильные и одинокие мужчины. Это, так называемая "монополия" мужчин на применение насилия, что и делает их более востребованными для вербовщиков.

В последние годы, с выходом на арену достаточно большого количества террористических организации основной социальной базой для вербовки новых боевиков принято считать трудовых мигрантов. Насколько правомерно такое утверждение и действительно ли мигранты уязвимы к процессу их радикализации?

Ведь эта тема привлекает сегодня особое внимание потому, что в мире наблюдается общая тенденция связывать такое явление как трудовая миграция с увеличением количества завербованных в различные радикальные группы. Существует мнение, что трудовые мигранты – это социальная база для вербовки в группы насильственного экстремизма.

Исследования по миграции в Узбекистане ведутся сравнительно давно. В 2008 году при содействии ПРООН Республики Узбекистан была выпущена книга «Трудовая миграция в Республике Узбекистан, социальные, правовые и гендерные аспекты». Феномен миграции в этой работе рассматривался как феномен оттока работоспособного населения с территории пост – советского Узбекистана, прежде всего, как социально-экономическое явление. Авторы утверждали⁴, что основная причина миграции населения из региона в Центральной Азии – это невозможность поддерживать достойный уровень жизни у себя на родине.

Миграция, как способ приостановить медленную деградацию условий жизни собственной семьи и снижение своей покупательской способности, самими мигрантами оценивается, как временное явление.

В 2010 году во Франции нам удалось активно взаимодействовать с французской

¹Марина Мелия, «Как сохранить голову ясной, когда нам промывают мозги»

Harvard Business Review, Russia, 2014 <http://hbr-russia.ru/karera/lichnye-kachestva-i-navyki/a14432/2014>

²Эмилия Поуст, «Американский этикет», 1993

³«WordNet 2.0» <https://wordnet.princeton.edu/>

⁴Абдуллаев Е.В. Трудовая миграция в Республике Узбекистан: Сб. ст. / Отв. ред. Е. В. Абдуллаев.: Ташкент, 2008. – 204 с. Программа развития Организации Объединенных Наций Узбекистан, Гендерная программа Посольства Швейцарии Узбекистан

исследовательницей по трудовой миграции из Узбекистана в Россию Софи Массут. Они изучала это явление в 2009 году. Российский исследователь антрополог Сергей Абашин, исследует эту проблемы в России в настоящее время.

Трудовой мигрант не уезжает для себя и для улучшения собственных условий жизни, как пишет Софи Массут в своей работе «Enjeux politiques et identitaires de la migration» («Политические и самоопределяющие цели миграции») «*приносит себя в жертву*»¹, в соответствии с семейным решением он уезжает, чтобы улучшить условия жизни своей семьи.

Именно семейная стратегия и стратегия на уровне узбекского общества, накладывает на мигранта определенную миссию, в основе которой лежит финансовое благополучие его семьи и её социальный статус в узбекском обществе. Как утверждает исследовательница, *семья инвестирует в мигранта как в дом или в товар, а мигрант позволяет своей семье реализоваться в своей идентичности*. Таким образом, основная задачи мигранта – обеспечить свою семью средствами для нормальной жизни в узбекском обществе².

Софи Массут называет этот период в жизни мигранта из Узбекистана в другой стране, когда он существует несколько лет вне нормальных условий жизни, его жертвенной миссией во имя благополучия своей семьи. Таким образом, несколько лет своей жизни он живёт как бы вне своей идентичности.³

Другим важным моментом является тот факт, что по возвращению мигранта, в его стране не принято посвящать окружающих в детали и обстоятельства своей жизни в стране, в которой он зарабатывает средства на то, чтобы его семья могла достойно жить дома. Этот специфический аспект миграции, как принцип замалчивания мигрантом его опыта миграции-это своего рода сакрализация данного опыта.⁴

Окутывание тайной всего, что связано с этим периодом пребывания мигранта в другой стране, считается необходимым условием для благополучия его семьи на родине: «*В узбекском обществе становится нормой или даже новой традицией, что почти в каждой семье, кто-то работает за границей для обеспечения нормальной жизни семьи. Это возводится в ряд новых ценностей узбекского общества. И, постепенно, в традициях семьи, иерархия, которая строилась на показателях возраста теперь строится на том, кто больше приносит в семью денег. В семье и на уровне махали, происходит перераспределение зависимости. Мигранты становятся векторами этих изменений*»⁵.

Возвращаясь из страны заработка в страну происхождения, мигрант меняет свой социальный статус в обществе. Возникает так называемый феномен перераспределения власти в сообществе, и мигрант, теперь уже как представитель среднего класса выступает в этой структуре в новом качестве.

Период заработка для мигранта-это своего рода способ обретения нового статуса.

Странами наибольшей привлекательности для мигрантов являются страны Запада, такие как Германия, Португалия, Мальта, Франция, Англия. Страны Европейского Союза – это притягательное направление для мигрантов, но они трудно достижимы из-за сложности получения Шенгенской визы. Более доступными для мигрантов странами являются страны ближнего зарубежья, такие как Казахстан и Россия, далее это Корея и США.

В последние годы в странах куда прибывают мигранты постепенно складываются диаспоры и системы поддержки мигрантов друг друга, но эти социальные сообщества не могут заменить им их семьи. Используя традиционные для узбекского общества инструменты иерархического морального соподчинения, большинство бригад и отдельных групп трудовых мигрантов, например, в России складываются преимущественно на основе землячества, родственных отношений, дружеских связей и создают социальные общности, основанные на взаимных обязательствах, контроле и наблюдении.

Обратимся к психологическим аспектам проблемы уязвимости трудового мигранта. Человеческое измерение миграции и его суть, психологические особенности данного процесса сильно не меняются.

¹Массут Софи, Sophie Massot«Enjeux politiques et identitaires de la migration internationale des Ouzbeks vers trois pôles urbains(Moscou, Séoul, New York)»,2009

²Массут Софи, Sophie Massot«Enjeux politiques et identitaires de la migration internationale des Ouzbeks vers trois pôles urbains(Moscou, Séoul, New York)»,2009

³Массут Софи, Sophie Massot«Enjeux politiques et identitaires de la migration internationale des Ouzbeks vers trois pôles urbains(Moscou, Séoul, New York)»,2009

⁴Массут Софи, Sophie Massot«Enjeux politiques et identitaires de la migration internationale des Ouzbeks vers trois pôles urbains(Moscou, Séoul, New York)»

⁵Массут Софи, Sophie Massot«Enjeux politiques et identitaires de la migration internationale des Ouzbeks vers trois pôles urbains(Moscou, Séoul, New York)»,2009

Выезд мигрантов из Центральной Азии в Россию, порождает множество проблем, связанных не только с жильём, трудоустройством, акклиматизацией, но и с их адаптацией в новой, во многом непривычной для них среде.¹

Основная сложность заключается в том, что мигранты из Узбекистана не очень стремятся интегрироваться в новой стране — большинство из них пребывают в стране временно (работают вахтовым способом или сезонно) и возвращаются по истечению какого-либо срока домой. Переселение в другую страну, хоть и на время, как известно, часто сопряжено с таким явлением как «культурный шок»², связанным с непониманием, ощущением отчужденности.

Так, Калерво Оберг выделял шесть основных психологических признаков культурного шока:

- Напряжение, сопровождающее усилия, необходимые для психологической адаптации.
- Чувство потери или лишения (статуса, друзей, родины, профессии, имущества).
- Чувство отверженности (неприятие новой культурой) и чувство отвержения (неприятие новой культуры).
- Сбой в ролевой структуре (ролях, ожиданиях), путаница с самоидентификацией, ценностях, чувствах.
- Чувство тревоги, основанное на различных эмоциях (удивление, отвращение, возмущение, негодование), возникающих в результате осознания культурных различий.
- Чувство неполноценности вследствие неспособности справиться с новой ситуацией.³

В связи с этим, возникает еще одна серьезная проблема — каков образ трудового мигранта в стране пребывания и, в свою очередь, как мигранты воспринимают местное население. По мнению Г. У. Солдатовой, местные жители с опаской и недоверием принимают приезжих: *«В глазах местных жителей, трудовые мигранты, выглядят агрессивными, раздражительными, нервными, недоброжелательными, недоверчивыми, неуверенными, забытыми приспособленцами, высокомерными, наглыми. В свою очередь, трудовые мигранты характеризуют местных жителей, как равнодушных, холодных, ленивых, завистливых, лицемерных, грубых, продажных и невинительных»*⁴.

Подобные искаженные представления предопределяют высокую степень взаимного неприятия и обостряют отношения между мигрантами и местными жителями, являясь важным фактором, порождающим межэтнические конфликты. Существенно влияют и нарушения миграционной политики принимающей страны, когда работодателю невыгодно легализовать мигранта, а то, что мигрант этим самым находится в уязвимом положении позволяет подвергать его различным манипуляциям.

В случае с трудовыми мигрантами из ЦА это также влияет и на желание самого мигранта интегрироваться в стране пребывания. В странах, куда прибывает трудовой мигрант встреча с другой культурой часто сказывается на последующем восприятии страны пребывания. Пребывание в непонятной и часто недружественной среде, неопределённость статуса и самоидентификации способствуют появлению противоречия между ценностями собственной этнической культуры и той культурой, куда приехал мигрант.

В период с 2000 по 2008 большинство мигрантов, например, в России, это выходцы из стран Средней Азии — это, в основном, малоквалифицированные рабочие.

Согласно исследованию, которое было проведено в 2017 году это люди в возрасте от 26 до 40 лет. Уровень их образования - 60% имели высшее образование и 40% среднее и средне специальное. Но тем не менее никто из них не работает по своей специальности. Им, в основном, предлагается работа на стройках, в торговле, в домоуправлениях — там, где не требуется высокая квалификация. Они практически изолированы от местного населения.

Иногда социальный протест, против какой-либо несправедливости в стране в массовом сознании части россиян часто проецируется на мигрантов. Результаты различных международных конференций показали, что *«... что в России высок уровень готовности к насилию, в том числе и по этническому признаку, по отношению к мигрантам. 40% этнических русских заявили, что они были бы рады, если бы представители других национальностей из их населенного пункта насильно выселили. Рост агрессивности социологи обнаружили у всех россиян - 53% признают, что у них бывают, столкновения на национальной почве, 70% не*

¹Абдуллаев Е.В. Трудовая миграция в Республике Узбекистан: Сб. ст. / Отв. ред. Е. В. Абдуллаев.: Ташкент, 2008. — 204 с. Программа развития Организации Объединенных Наций Узбекистан, Гендерная программа Посольства Швейцарии Узбекистан, 2008

²Kalervo Oberg, "Cultural Shock: Adjustment to New Cultural Environments", 1960

³Kalervo Oberg, "Cultural Shock: Adjustment to New Cultural Environments", 1960

⁴Солдатова Г.У., «Психология этнической идентичности», «Психология беженцев и вынужденных мигрантов», 1998

русских признают, что испытывали неприязнь к людям некоторых национальностей. Насильственное выдворение иммигрантов - представителей других народов из своего населенного пункта одобрили бы 40% русских и 24% не русских. Против выселения выступили бы 44% русских и 50% не русских. 45% русских считают, что насилие допустимо, если нарушена справедливость в отношении их народа и веры¹. Получается, что возникает ситуация, когда значительная часть населения России не довольна появлением на своей территории больших национальных групп, даже при условии соблюдения ими требования закона, усердно трудящихся и платящих налоги государству.

Наблюдается развитие социальной напряженности в обществе и нередко распространяется идея национальной нетерпимости как среди населения, так и в среде мигрантов. *“Распространённое жёсткое разделение на «своих» и «чужих» порождает негативные образы «чужих» и враждебных установок по отношению к ним, а также иерархическую авторитарную точку зрения на групповые взаимоотношения, в которых «своя» группа доминирует, а «чужие» группы ей подчиняются. Наличие в этническом самосознании предрассудков и обиды-накопителей раздражения укорачивают расстояния между интенциями и фактическими действиями в направлении ограничения возможностей, прав и привилегий, которыми могут пользоваться члены дискриминируемой этнической группы, а также нередко ведут к массовому и индивидуальному насилию на национальной почве”*² констатирует Г. У. Солдатова.

Предрассудки и стереотипы, как известно, приводят к тому, что на бессознательном уровне отбираются личности или группы и на них проецируется все то, что считается для себя нежелательным. Возникают межэтнические конфликты.

Р.Фишер даёт такое определение межэтнического конфликта: *“Это такая социальная ситуация, для которой характерно несоответствие в целях или ценностях между двумя или более сторонами, стремление сторон контролировать друг друга и антагонические чувства друг друга.”*³

В своей работе «Компенсаторный механизм «наказанных народов» Карл Юнг пишет: *«...Социальная напряженность, достигнув высокого уровня, трансформируется в межэтническую. Насилие во всех этих случаях выступает как средство социального контроля. В ситуации конфликтной межэтнической напряженности все этнические образы преломляются сквозь призму конфликта.»*⁴

Мигранты из Средней Азии независимо от своих индивидуальных особенностей и достоинств, как правило, составляют массу «ненужных людей» в сознании общества в которое они пребывают. Их встречают с предубеждением и недоброжелательностью. Защитный механизм проекции собственных враждебных чувств действует с обеих сторон: жители страны, в которую прибывает мигрант *«склонны приписывать им корысть, ответственность за теракты, заказные убийства, криминальные разборки»*⁵, в свою очередь прибывшие опасаются лишней раз выходить на улицу и показываться на глаза представителям власти страны, в которую они прибыли.

Происходит стигматизация мигрантов. В этой связи проблема эффективности адаптации и ресоциализации к новой культуре имеет особую актуальность. *«Когда человек оказывается в ситуации потери смысла, в смысловом вакууме вынужденного мигранта возникает необходимость найти для него «смысловый костыль»-вновь встроить его в культуру»*⁶.

Психоаналитик Эрик Эриксон в своей работе «Поиск идентичности» описывает феномен деперсонализации: *«В подобном процессе происходят существенные изменения в структуре идентичности, как самих мигрантов, так и жителей той страны, в которую они прибывают. Под влиянием потери ориентиров в социальном пространстве возникает необходимость пересмотра сложившихся категорий. Учитывая индивидуальные особенности мигранта необходимо выработать стратегию его адаптации в новой культуре и возможные проблемы, с которыми он столкнётся в процессе адаптации. Индивиду необходимо найти новую социальную реальность и сопоставив её с тем, что он думает о самом себе, определиться с собственной групповой принадлежностью и сделать соответствующий выбор»*⁷.

¹Солдатова Г.У., «Психология этнической идентичности», «Психология беженцев и вынужденных мигрантов»,1998

²Солдатова Г.У., «Психология этнической идентичности», «Психология беженцев и вынужденных мигрантов»,1998

³Ronald J.Fisher, "Needs Theory, Social Identity and an Eclectic Model of Conflic",1990

⁴Юнг Карл, «Компенсаторный механизм «наказанного народа» "The Scope Of Psychoanalysis "1921-1961

⁵Солдатова Г.У., «Психология этнической идентичности», «Психология беженцев и вынужденных мигрантов»,1998

⁶Солдатова Г.У., «Психология этнической идентичности», «Психология беженцев и вынужденных мигрантов»,1998

⁷Erik H.Erikson "Identity and life cycle" International Universities Press, 1959

Но факт того, что мигрант из Центральной Азии часто не спешит делать этого выбора и как пишет Софи Массут «... не стремится встроиться в новую культуру, а оценивает своё состояние, как временную необходимость. И тогда речь не идёт об адаптации, он балансирует между своей собственной культурой и культурой страны, в которую прибывает».¹

Таким образом, целый комплекс проблем, с которыми сталкивается трудовой мигрант из Центральной Азии в стране пребывания, ложится на плечи части из них непосильным бременем, требующим огромных моральных, психоэмоциональных и физических усилий. Не каждый из них способен адекватно справиться с такими нагрузками. И тогда, видимо, может начаться поиск способов преодоления трудностей во вне, в ближайшем окружении или, к сожалению, в группировках, где к мигранту будут относиться с большим вниманием и «пониманием».

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдуллаев Е.В. Трудовая миграция в Республике Узбекистан: Сб. ст. / Отв. ред. Е. В. Абдуллаев.: Ташкент, 2008. – 204 с. Программа развития Организации Объединенных Наций Узбекистан, Гендерная программа Посольства Швейцарии Узбекистан, 2008
2. Эллиот Аронсон, Т. Уилсон, Р. Эйкерт «Социальная психология. Психологические законы поведения», 2004
3. Берри и Калин, John W. Berry, Rudolf Kalin, Donald M. Taylor Multiculturalism and Ethnic Attitudes in Canada, 1976
4. Богомолова, «Психология массовых коммуникаций». Аспект Пресс, 2008
5. Stephen Bochner The Psychology of Culture Shock Colleen Ward, Stephen Bochner, Adrian, Taylor & Francis, 2001
6. Браун Р, «Отношения между группами»
7. Kalervo Oberg, “Cultural Shock: Adjustment to New Cultural Environments”, 1960
8. Юнг Карл, «Компенсаторный механизм «наказанного народа»» «The Scope Of Psychoanalysis», 1921-1961
9. Sophie Massot «Enjeux politiques et identitaires de la migration internationale des Ouzbeks vers trois pôles urbains (Moscou, Séoul, New York)», 2009
10. Манукян А. Р., Шагапсоева М. Х. «Насильственный экстремизм и индивидуальные факторы радикализации». - e-notabene.ru/psp/article_20852.html, 2016
11. Марина Мелия, «Как сохранить голову ясной, когда нам промывают мозги» Harvard Business, http://www.zautra.by/art.php?sn_nid=16013, 2014
12. Levine, J. M., & Moreland, R. Group socialization: Theory and research. In W. Stroebe & M. Hewstone (Eds.), 1994
13. Ойстер К, «Социальная психология групп и социализация в группах», Прайм-Еврознак, 2004
14. Солдатова Г.У., Рыжкова С.В. «Психология этнической идентичности, типы этнической идентичности», 1998
15. Стефаненко Т.Т., «Этнопсихология», Институт психологии РАН, Академический проект, 1999
16. Thibault & Kelly, «The social psychology of groups» New York: Wiley, 1959
17. <https://archive.org/details/socialpsychology00thib>
18. Ronald J. Fisher, “Needs Theory, Social Identity and an Eclectic Model of Conflict”, 1990
19. Erik H. Erikson “Identity and life cycle” International Universities Press, 1959

¹Массут Софи, Sophie Massot «Enjeux politiques et identitaires de la migration internationale des Ouzbeks vers trois pôles urbains (Moscou, Séoul, New York)», 2009